

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Целунов Алексей Борисович

**Социально-экономическое развитие поствизантийской Италии.
Романья во второй половине VIII–X вв.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Средних веков)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

- Научный руководитель** – *Филиппов Игорь Святославович, доктор исторических наук, доцент*
- Официальные оппоненты** – *Бибииков Михаил Вадимович, доктор исторических наук, профессор, ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук» (ИВИ РАН), главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы*
- Кудрявцев Олег Федорович, доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД РФ), профессор кафедры всемирной и отечественной истории*
- Срединская Наталья Брониславовна, кандидат исторических наук, ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук» (СПбИИ РАН), старший научный сотрудник Научно-исторического архива*

Защита диссертации состоится «__» _____ 2019 г. в __ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/192230519/>

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат исторических наук

Е. В. Романова

Общая характеристика работы

Содержание научной проблемы. Переходные эпохи издавна привлекают внимание историков. Одним из наиболее исследуемых и наиболее важных для понимания истории переходов является переход от античного общества к средневековому. Обычно эта проблема изучается на материале варварских королевств, возникших на территориях Юго-Западной Европы после падения Западной Римской империи.

История западноевропейских областей, оказавшихся в VI в. под властью Восточной Римской империи и утраченных ею в VII–XI вв., во многом выпадает из контекста позднеантичных штудий. Границу между Восточной Римской империей и Византией обычно проводят по VII в. Это переломное столетие увидело закат античного муниципального строя, рождение новых общественных структур и падение константинопольской власти в большинстве византийских владений как на Западе, так и на Востоке. Но вопросы, поднимаемые исследователями византийского наследия в Юго-Западной Европе, Африке и на Балканах, по большей части все те же, что задают себе историки собственно римского наследия. Как меняются местные сообщества после распада централизованной государственной инфраструктуры, налаженных коммуникаций и товарного обмена? Как выживают, воспроизводятся и развиваются социумы, лишившиеся политической субъектности? Как они адаптируются к новым социально-политическим условиям?

В этом отношении большой интерес представляет общественная трансформация византийских регионов Италии: Сицилии, Сардинии, Южной Италии, округа Рима, прибрежных районов Венето, Истрии и, конечно же, Романьи. При этом развитие бывших византийских владений в Западном Средиземноморье и судьба византийского наследия на этих землях изучены заметно хуже анатолийских и балканских владений Империи и даже некоторых областей «византийского содружества».

В V–VI вв. в Западном Средиземноморье на руинах Римской империи, стягивавшей разнородные по этническому, хозяйственному, социальному и культурному облику регионы сетью морских и сухопутных коммуникаций, механизмами обмена, системой правовых практик и военно-политического контроля, возникают варварские *regna*, принципиально отличающиеся от имперских административных структур. Однако итальянские регионы Византии, постепенно выпадавшие из орбиты константинопольского контроля, но не знавшие сколько-нибудь масштабной германской или славянской колонизации, развивались существенно иначе, чем их соседи. Настоящая диссертация посвящена одному из этих регионов.

В ней предпринято комплексное исследование социально-экономического строя поствизантийских областей северо-восточной Италии в VIII–X вв., в один из самых малоизученных и темных периодов их истории. В поствизантийскую эпоху, в период, предшествовавший зарождению синьорий и коммунального строя, они образовывали автономную политику, управлявшуюся архиепископами Равенны и формально входившую в состав более крупных государственных образований – Папского государства, Итальянского королевства, империй Каролингов и Оттонов.

Актуальность темы исследования. До недавнего времени изучение социально-экономического строя этого региона в докоммунальную эпоху сдерживалось ограниченным доступом к архивным фондам церковных учреждений Равенны и неудовлетворительным состоянием имевшихся публикаций источников. Из-за слабого знакомства как российских, так и зарубежных медиевистов с поствизантийскими областями западного побережья Адриатики раннесредневековая Италия изучена неравномерно. Даже беглый взгляд на монументальные «кембриджские истории» средневековой Европы¹ или работы таких авторитетных медиевистов, как К. Уикхэм, посвятившего раннесредневековой Италии добротную

¹ The New Cambridge Medieval History. Vol. II: с. 700 – с. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995; The New Cambridge Medieval History. Vol. III: с. 900 – с. 1024 / Ed. T. Reuter. Cambridge, 1999.

монографию², позволяет понять, что романьольский материал явно недостаточно учтен и интегрирован в соответствующие региональные и страноведческие разделы. Сегодня, во многом благодаря недавнему появлению современного издания равеннских архивных документов, выполненного Р. Бенеричетти³, ситуация понемногу выправляется.

В советской исторической литературе недостаточное внимание к истории бывших византийских владений Италии было обусловлено также избыточным германизмом, воспринятым от националистической немецкой историографии рубежа XIX–XX вв. Характерным примером служат работы А. И. Неусыхина и А. Р. Корсунского, которые уделяли преимущественное, если не исключительное внимание роли германцев, прежде всего готов и лангобардов, в общественном развитии Юго-Западной Европы⁴. Этот крен преодолен, но, к сожалению, и в постсоветский период раннесредневековой историей романской Италии занимались очень мало. Исключением является О. Р. Бородин – автор двух серьезных книг о византийской Италии⁵.

В историографии региона долгое время преобладал интерес к церковно-политическим сюжетам, изученным, в целом, достаточно хорошо. Гораздо менее исследованы отношения собственности, сфера производства и общественная структура – многообразное социальное поле, которое остается

² Wickham C. *Early Medieval Italy: Central Power and Local Society, 400-1000*. London, 1981.

³ *Le carte ravennati dei secoli ottavo e nono* / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2006; *Le carte del decimo secolo nell'Archivio arcivescovile di Ravenna*. I. 900–957 A cura di R. Benericetti. Ravenna, 1999; *Le carte ravennati del decimo secolo*. Archivio arcivescovile. II (aa. 957–976) / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2002; *Le carte ravennati del decimo secolo*. Archivio arcivescovile. III (aa. 976–999) / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2002; *Le carte ravennati del secolo undicesimo*. Archivio arcivescovile. I (aa. 1001–1024) / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2003; *Le carte ravennati del secolo decimo*. IV. Archivi minori (monasteri di Sant'Andrea Maggiore, San Vitale e Sant'Apollinare in Classe) / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2010; *Le carte ravennati del secolo undicesimo*. VII. Archivi minori (Monasteri di Sant'Apollinare in Classe, San Giovanni Evangelista, Canonica di Santa Maria in Porto) / A cura di R. Benericetti. – Faenza, 2011.

⁴ *Неусыхин А. И. От античности к средневековью / История Италии. Том 1 / Под ред. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Ругенбурга*. М., 1970. С. 9–71; *Корсунский А. Р. Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1*. М., 1985. С. 178–216.

⁵ *Бородин О. Р. Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь)*. Барнаул, 1991; *Он же. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии*. СПб., 2001.

в тени монументального зодчества Равенны, очаровывавшего целые поколения историков. При этом большинству зарубежных исследований по социально-экономической, социально-правовой и социально-политической истории Романьи остро недостает теоретической и методологической базы и широты исторического контекста, которые позволили бы составить полноценное представление об особенностях развития региона в изучаемый период.

Итак, **объектом исследования** является исторический регион Романья, совпадающий с бывшими владениями Равеннского экзархата в узком значении этого понятия, в первые два с половиной столетия после падения константинопольской власти в 751 г.

Предмет исследования составляют социальные и экономические аспекты трансформации поствизантийского общества в указанном регионе с середины VIII по рубеж X и XI вв.

Непосредственной **целью** исследования является изучение процессов складывания регионального политического сообщества, сформировавшегося на базе итало-византийских провинциальных институтов.

Для достижения этой цели были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

Первая задача – выявить пути развития и функционирования различных форм организации производства, являющихся материальной базой существования социальных групп, структурированных в консортерии, квазисемейные сообщества и корпорации. Для этого нужно выявить внутреннюю логику основных агентов производства, экономическую природу и типологию крупных хозяйств, модели распределения ренты среди разных категорий и группировок господствующего класса (светской знати и духовных учреждений). Самостоятельную проблему представляют эволюция форм организации городского неземледельческого населения региона и его место в экономике и структуре городского землевладения.

Вторая задача – изучить основные хозяйственные занятия сельского населения, формы общинной кооперации земледельцев, дать характеристику их стратификации и статусам, степени их вовлеченности в крупное хозяйство, механизмам перераспределения ренты. Для этого, в свою очередь, важно изучить материальные условия аграрного производства с акцентом на аграрном пейзаже изучаемого региона.

Третья задача – определить пути формирования господствующего класса, его социальные источники, внутреннюю динамику и ключевые этапы развития, охарактеризовать владельческие и потестарные структуры, обеспечивавшие реализацию стратегий регионального экономического и политического господства. Особое внимание следует уделить отношениям собственности, правовому и социальному содержанию господствовавших в регионе форм крупного землевладения, процессам концентрации и мобилизации церковных и светских патримониев.

Главной составляющей **источниковой базы** исследования является корпус опубликованных документов, созданных между серединой VIII и рубежом X и XI вв., из Архиепископского архива Равенны и архивов некоторых других церковных учреждений изучаемого региона. Кроме того, использован актовый материал из архивов пограничных областей Экзархата, например, из Имолы и Феррары. Логика исследования предполагает обращение и разнообразным дополнительным источникам: документальным, нормативным, нарративным, эпистолярным памятникам, данным археологии и краеведения. Важнейшим нарративным источником для данного исследования является «Книга понтификов Равенны», составленная в 830–840-е гг. равеннским историком Агнеллом, – многоплановое сочинение, посвященное церковной истории Равенны начиная с раннехристианской эпохи и до середины IX в. В работе использованы также императорские дипломы, папская корреспонденция, жития святых, надписи и некоторые другие тексты. Помимо этого, привлекается материал римского,

византийского и коммунального периодов, а также источники, относящиеся к истории соседних с Романьей областей.

Хронологические и географические рамки диссертационного исследования охватывают период с 751 г. (падение Равеннского экзархата) по рубеж X–XI вв. (завершение поэтапной интеграции Равеннской архиепископии в политическую структуру Священной Римской империи). Обоснованность выделения этого периода в истории Романьи обусловлена важностью, сложностью и содержательностью процессов, имевших место в регионе в этот период.

Романья, представлявшая собой, по сути, государственное образование под управлением равеннских архиепископов, находилась в составе Патримония св. Петра, затем Итальянского королевства (887–962), и, наконец, в 60–70-х гг. X в. вошла на правах крупного феода в состав империи Оттона I – будущей Священной Римской империи. Несмотря на то, что вызревание качественно новых социально-политических и социально-экономических отношений растянулось еще как минимум на одно столетие, контуры реорганизации романьольского общества определяются именно в этот период.

Географические рамки исследования включают историческую область Романья (в составе нынешнего региона Эмилия-Романья), с примыкающей к ней с юга северной частью современного региона Марке, который, в целом, совпадает с исторической провинцией Анконская Марка. Они примерно соответствуют территориям бывших византийских анклавов на побережье Адриатики – Равеннского экзархата (в узком значении) и северной части Морского и Сухопутного Пентаполей.

Теоретические и методологические основы исследования обусловлены спецификой изучаемой проблемы. Методологическая основа включает в себя основные принципы исторической науки: историзм, объективность, системность. Применяются как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и специально-научные (историко-генетический,

историко-сравнительный) методы. Наглядность и, главное, проверяемость и прозрачность исследовательских операций обеспечена иллюстративным материалом (таблицами, схемами) и цитированием источников в оригинале.

Работа с историческими источниками требует тщательного отбора методик, поскольку от их определения и корректного применения напрямую зависят строящиеся на их основе историко-социологические обобщения. Междисциплинарный характер исследования обусловил необходимость задействования целого арсенала средств и методов, относящихся к вспомогательным и смежным дисциплинам, таким, как история права, лексикология, ономастика, просопография, архонтология, метрология, дипломатика, археология, эпиграфика.

Теоретической основой настоящего исследования послужил историко-материалистический метод. Я ориентируюсь на идеи, развивавшиеся в советской медиевистике (Е. А. Косминский, Ю. Л. Бессмертный), византистике (М. Я. Сюзюмов, Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан), антиковедении (Е. М. Штаерман, К. К. Зельин) и востоковедении (В. И. Илюшечкин, И. М. Дьяконов, И. П. Петрушевский, Л. Б. Алаев). Развернувшиеся в советской византистике начиная с 50-х гг. дебаты о природе налогообложения и верховной собственности в Византии касались таких вопросов, как степень и темпы феодализации византийского общества и экономики и сама природа общественного строя Византии. Эта проблематика важна и для данного исследования.

На новый уровень теоретического осмысления эти проблемы были подняты в трудах медиевистов т.н. «Бирмингемской школы», сформировавшейся в среде последователей влиятельного британского историка-марксиста Р. Хилтона. Дистанцируясь от пятичленной модели, исследовательский и эвристический потенциал которой к 1960-м гг. был в значительной мере исчерпан, К. Уикхэм, Дж. Хэлдон и Х. Берктай в 80-х гг. подхватили и развили мысль неомарксистского теоретика С. Амина об особом трибутарном способе производства как универсальной стадийной

модели, предшествовавшей зарождению и экспансии капиталистической системы.⁶ В советской науке такой подход в наиболее полной и развернутой форме представлен в трудах В. И. Илюшечкина (1915–1996), выдвинувшего теорию «рентного способа производства» и попытавшего обосновать ее в понятиях марксистской политэкономии⁷.

В основе развиваемой этими учеными парадигмы – идея о том, что сложные налоговые режимы Востока и феодальные экономики Европы объединяет единый способ производства, основанный на принудительном изъятии ренты (*coercive rent-taking*) в ее различных, в т. ч. централизованных, формах. Такой подход никак не нивелирует качественные различия между обществами, построенными на сочетании в разном соотношении рентной и налоговой эксплуатации. Несмотря на глубинное сходство, налицо серьезные различия в отношениях собственности, сословной и классовой структуре, принципах организации политической власти и правовых системах.

Уход с исторической сцены сильного централизованного государства, осуществляющего налоговую эксплуатацию подконтрольных территорий, ощутимо меняет социально-политический и экономический ландшафт провинциальных сообществ бывшей империи. Именно под этим углом стала изучаться в последнее время трансформация позднеантичного общества и государства. В свою очередь, сосуществование ренты и налога в государствах докапиталистической эпохи многое объясняет в их внутренней динамике. Плодотворность этой объяснительной модели показал на византийском материале Дж. Хэлдон. Она важна и для осмысления

⁶ *Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism.* New York, 1976. P. 13–58; *Wickham C. The Other Transition: From the Ancient World to Feudalism // Past and Present.* 1984. Vol. 103, № 1. P. 3–36; *Wickham C. The Uniqueness of the East // The Journal of Peasant Studies.* 1985. Vol. 12. № 2–3. P. 166–196; *Berktaу H. The Feudalism Debate: The Turkish End – Is «Tax – vs. Rent» Necessarily the Product and Sign of a Modal Difference? // The Journal of Peasant Studies.* 1987. Vol. 14. № 3. P. 291–333; *Haldon J. The State and the Tributary Mode of Production.* London; New York, 1993; *Wickham C. Productive Forces and the Economic Logic of the Feudal Mode of Production // Historical Materialism.* 2008. № 16. P. 3–22.

⁷ *Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования).* М., 1990.

общественного развития итальянских регионов Византии, поскольку, в частности, может во многом объяснить развивавшиеся в VI–IX вв. в ее западных владениях автономистские и сепаратистские тенденции⁸.

Выбор в пользу историко-материалистической методологии определен поставленными и решаемыми в ходе исследования теоретическими задачами. Далеко не каждый научный метод пригоден для описания и систематизации исторических явлений и фактов. У историко-материалистического метода в этом смысле есть важные преимущества. Его применение заметно углубляет наши представления о прошлом и возвращает холистическое видение истории как всемирно-исторического процесса. Он позволяет видеть общественные процессы в их тотальности, преодолевая традиционное деление общественных отношений на экономическую, политическую и социальную сферы. Кроме того, этот подход обладает большим эвристическим потенциалом, особенно ценным для исторической социологии и компаративистики.

Но выдвижение и апробация гипотез не могут заменить работу с историческим материалом. Ни один метод не содержит готовых теоретических решений для описания морфологии и внутренней динамики удаленных от нас обществ. Подмена истории теорией закрывает путь к углубленному пониманию социальной и экономической динамики социумов, рациональности действий и решений агентов общественного производства, логики движения и распада сложных общественных систем. Разворачивание метода происходит в процессе углубленной работы с конкретным эмпирическим материалом. Это касается и более глубинных пластов исторической действительности, далеко не полностью осмысленных марксизмом. Здесь я ориентируюсь на идеи, развивавшиеся А. Я. Гуревичем, В. М. Смирным, И. С. Филипповым, которые показали специфику

⁸ *Salazar I. S. Las transformaciones de la fiscalidad en el territorio de Rávena entre los siglos V y VIII // Between Taxation and Rent. Fiscal Problems from Late Antiquity to Early Middle Ages / Ed. P. C. Díaz, I. M. Viso. Bari, 2011. P. 107–146.*

правоимущественных отношений в картине мира древнего и средневекового человека и в социумах соответствующих эпох⁹.

Степень разработанности темы. Начиная с XVI в. история Равенны и Романьи стала предметом размышлений ученых представителей региональных церковных учреждений, а также сообществ эрудитов и краеведов. К XVIII-XIX вв. складывается своеобразный канон из сочинений трех авторов – Д. Спрети (1414–1474), Дж. Росси (1539–1607) и Т. Томаи (ум. 1593), среди которых наибольшим и неизменным авторитетом пользовался труд Дж. Росси «История Равенны в десяти книгах», построенный с опорой на хорошее знание текста Агнелла, а также документальных и эпиграфических памятников.

Несмотря на публикацию в конце XVIII – начале XIX вв. основных документальных источников из архивов Равенны¹⁰, актовый материал лишь эпизодически привлекался для прояснения тех или иных политических событий истории города (чаще всего – датировок правлений местных епископов), и вплоть до самого конца XIX в. историки были далеки от систематического его изучения. Церковно-политические нарративы полемической и апологетической направленности оставались важнейшей формой рефлексии по поводу прошлого Равенны.

С объединением Италии изучение истории Романьи получило государственную поддержку и вышло из орбиты частных инициатив краеведов и их сообществ. В 1860 г. была основана «Королевская Депутация отечественной истории провинций Романьи», под эгидой которой выходил научный журнал с материалами исторических и краеведческих изысканий. В это время к изучению равеннских архивов подключаются исследователи

⁹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 139–192; Смирин В. М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура Древнего Рима. Т. 2 / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985. С. 5–79. Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 550–691.

¹⁰ Fantuzzi M. Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti. T. I–VI. Venezia, 1801–1804; Marini G. I papiri diplomatici raccolti ed illustrati dall'abate Gaetano Marini. Roma, 1805.

историко-правовой школы, находившиеся под сильным влиянием К.Г. Савиньи, Г. Бруннера и других представителей немецкой *Rechtsgeschichte*. Среди них следует отметить работы Н. Тамассиа и А. Пальмиери¹¹.

Изучение богатого фонда документальных источников, открывающее широкие перспективы для исследования социальной, экономической и институциональной истории, медленно пробуждало интерес к проблемам социально-политического развития региона в каролингскую и оттоновскую эпоху. Успешной разработке этих вопросов все еще препятствовали неудовлетворительное состояние публикаций источников и трудности с доступом к подлинным документам, рассеянным по архивным учреждениям Равенны и других городов Эмилии-Романьи.

На фоне повышенного интереса к истории византийской Италии, подпитывавшегося в конце XIX в. параллелями с периодами французской и австрийской оккупации, история поствизантийской Романьи оставалась в тени. Она считалась временем глубокого упадка Равенны и игнорировалась большинством исследователей. В англо-американской историографии на многие десятилетия вперед единственной в своем роде оставалась работа Э. Хаттона 1913 г., в которой история Равенны после падения византийского режима обрисована мрачными мазками¹². Потребовалось целое столетие для пересмотра этих представлений, и произошло это под напором все новых и новых публикаций источников и археологических находок.

Событийная канва политической истории Равеннской архиепископии в период 751–967 гг. была воссоздана в 1-й трети XX в. немецкими историками

¹¹ *Palmieri A.* Le carte giudiziarie ed i documenti privati ravennati dei secoli di mezzo // *Atti e Memorie della R. Deputazione di Storia Patria per la Romagna*. 1901. Ser. III, Vol. XIX. P. 394–416; *Idem.* Un probabile confine dell'Esarcato di Ravenna nell'Appennino bolognese (Montovolo – Vimignano) // *Atti e Memorie della R. Deputazione di storia patria per le province di Romagna*. 1913. Ser. IV, Vol. 3. P. 38–88; *Tamassia N.* Reliquie di un decreto giustiniano a favore della Chiesa ravennate // *Atti e Memorie della R. Deputazione di storia patria per le province di Romagna*. 1898. Ser. III, Vol. 16. P. 1–6.

¹² *Hutton A.* Ravenna: A Study. London, 1913.

Г. Шмидтом, К. Бранди и М. Улирцем¹³, но подлинной вехой стала вышедшая в 1915 г. статья итальянского историка и дипломатиста Дж. Буцци «Исследования по истории Равенны и Рима в 850–1118 гг.», сопоставимая с полноценным монографическим исследованием. В этой работе на основе огромного корпуса источников, главным образом, публично-правовых актов и папской корреспонденции, была предпринята успешная попытка реконструкции социально-политической истории региона в период раннего Средневековья, намечены основные этапы его феодализации в IX–X вв., составлены генеалогии большинства аристократических родов Равенны, сохраняющие свое значение и по сей день¹⁴.

В послевоенное время Равенна и Романья стабильно остается в фокусе историко-правовых и церковно-политических исследований. В 1949 г., через год после образования региона Эмилия-Романья, было основано «Общество романьольских исследований» («Società di Studi Romagnoli»), созывавшее регулярные собрания и публиковавшее результаты своих исследований в нескольких периодических изданиях. В его деятельности участвовали такие видные исследователи, как А. Кампана, О. Бертолини, А. Торре. Изучению церковно-административных институтов Романьи посвятил свои труды А. Вазина (1929–2016). Его исследовательские интересы были чрезвычайно широки: работая в русле политической и институциональной истории, он изучил целый ряд сюжетов средневековой Романьи, в том числе коммунальный и сеньориальный строй, приходскую организацию,

¹³ *Schmidt H. I.* Die Kirche von Ravenna im Frühmittelalter (540–967). Ein Beitrag zur Geschichte des Verhältnisses von Kirche und Staat // *Historisches Jahrbuch*. 1913. Bd. 34. S. 729–780; *Brandi K.* Ravenna und Rom. Neue Beiträge zur Kenntniss der römisch-byzantinischen Urkunde // *Archiv für Urkundenforschung*. 1924. Bd. 9. S. 1–38; *Uhlirz M.* Die Restitution des Exarchates Ravenna durch die Ottonen // *Mitteilungen der österreichischen Instituts für Geschichtsforschung*. 1936. Bd. 50. S. 1–34.

¹⁴ *Buzzi G.* Ricerche per la storia di Ravenna e di Roma dall'850 al 1118 // *Archivio della R. Società Romana di Storia Patria*. 1915. Vol. 38. P. 107–215.

взаимоотношения церковных иерархов с местными светскими властями и Империей¹⁵.

Ко второй половине XX в. был накоплен огромный эмпирический материал, находящийся на стыке истории и ряда вспомогательных и смежных дисциплин (дипломатики, ономастики, исторической географии, археологии, климатологии, гидрологии и т.д.). Необходимость обработки и систематизации этих данных с применением новейшего методологического инструментария была осознана новыми поколениями итальянских медиевистов, на которых заметное влияние оказали марксистский метод и наработки «Школы Анналов». Это диктовалось и объективными потребностями национальной исторической науки.

Реформатором романьольских штудий в последней четверти XX в. стал В. Фумагалли (1938–1997), один из крупнейших итальянских медиевистов столетия и инициатор углубленного изучения аграрной истории. В отличие от А. Вазины, он работал с раннесредневековым материалом, и его интересовали не институты, а «безмолвствующее большинство». Концептуальной основой его исследований стало представление о Романье и Лангобардии как о разных цивилизациях. По его мнению, в раннесредневековой Романье долгое время бытовали римские формы землевладения и организации пространства, которые в соседних областях были искажены вторжением и расселением лангобардов в VI в.¹⁶ Тезис о глубоком своеобразии социального развития средневековой Романьи, впервые выдвинутый и обоснованный им в публикациях 70-х - начала 80-х

¹⁵ *Vasina A.* Possessi ecclesiastici ravennati nella Pentapoli durante il medioevo // *Studi romagnoli*. 1967. Vol. 18. P. 333–367; *Idem.* Romagna medievale. Ravenna, 1970; *Idem.* Ravenna e la Romagna nella politica di Federico II // *Friedrich II. Tagung des Deutschen Historischen Instituts in Rom im Gedenkjahr 1994 / Hrsg. von A. Esch, N. Kamp.* Tübingen, 1996. P. 404–424. *Idem.* Le pievi dell'Esarcato ravennate fra società civile ed ecclesiale // *Mediterraneo, Mezzogiorno, Europa. Studi in onore di Cosimo Damiano Fonseca / A cura di G. Andenna, H. Houben.* Bari, 2004. P. 1069–1080.

¹⁶ *Fumagalli V.* Terra e società nell'Italia Padana. I secoli IX e X. Torino, 1976.

гг., был впоследствии развит в статьях и монографиях А. Кастаньетти, Б. Андреолли и М. Монтанари¹⁷.

Итогом этой исследовательской программы стал второй том коллективной монографии «История Равенны», вышедший в 1991 г. под редакцией известного византиниста А. Кариле и объединивший усилия ведущих исследователей региона, включая А. Кастаньетти, Дж. Фазоли и М. Монтанари¹⁸. Это фундаментальный труд, обобщивший результаты изучения различных сторон социально-экономической и социально-политической жизни Равенны докоммунальной эпохи. Он наметил дальнейшие ориентиры в изучении региона, в том числе для историков-архивистов и археологов.

Первым с аргументированной критикой парадигмы, предложенной В. Фумагалли, выступил еще в 1984 г. Дж. Паскуали¹⁹. По его мнению, противопоставление Романии и Лангобардии некорректно. С одной стороны, в силу качественного различия между источниками (например, в распоряжении историка Романьи нет инвентарных описей), с другой, – ввиду недостаточной проясненности реалий, стоящих за лексикой актов VI–XI вв. По сути, он первым указал на то, к чему может привести излишнее доверие к документальным источникам, изучаемым вне культурного и политического контекста.

Количество частных исследований по истории Равенны и Романьи докоммунальной эпохи множится и уже с трудом поддается учету. Отмечу исследования Т. Брауна, С. Козентино, Дж. Веспиньяни, Д. М. Делианнис, Э.

¹⁷ *Castagnetti A.* L'organizzazione del territorio rurale nel Medioevo. Circostrizioni ecclesiastiche e civili nella «Langobardia» e nella «Romania». Bologna, 1982; *Andreolli B., Montanari M.* L'azienda curtense in Italia. Proprietà della terra e lavoro contadino nei secoli VIII–XI. Bologna, 1983. *Montanari M.* Contadini e città tra «Langobardia» e «Romania». Firenze, 1988; *idem.* Contadini di Romagna nel Medioevo. Bologna, 1994.

¹⁸ *Storia di Ravenna. Vol. 2/1: Dall'età bizantina all'età ottoniana. Territorio, economia e società / A cura di A. Carile.* Venezia, 1991.

¹⁹ *Pasquali G.* Agricoltura e società rurale in Romagna nel Medioevo. Bologna, 1984; *Idem.* Una signoria rurale assente o silente? Il caso anomalo dalla Romagna // *La signoria rurale nel medioevo italiano / a cura di A. Spicciani, C. Violante.* Vol. 1. Pisa, 1997. P. 63–80; *Idem.* Sistemi di produzione agraria e aziende curtensi nell'Italia altomedievale. Bologna, 2008.

Скулмана²⁰. С ревизией прежних историографических представлений в последние десятилетия все активнее выступает также бурно развивающаяся средневековая археология. Начиная с 60-х гг. она исследует не только традиционно значимые для региональной науки культовые объекты, но и аграрный пейзаж, поселенческую структуру, плотность населения, внутренний и дальний обмен. Итальянские археологи постепенно преодолевают «позднеантичное проклятие», т. е. гипертрофированное внимание к столичной эпохе в истории Равенны и ее монументальным памятникам, в ущерб другим эпохам и сюжетам. Эти исследования дали значительный прирост знаний, особенно заметный на фоне постепенного истощения потенциала письменных источников.

На пути к синтезу археологических данных в историографию лежит ряд препятствий. Во-первых, историки только в последние годы пришли к консенсусу о необходимости интеграции документальных, археологических, геоморфологических и топографических материалов для воссоздания комплексной картины общественного развития региона. Часто дело не идет дальше деклараций и пожеланий. Во-вторых, сведения, добытые в результате полевых исследований, сами по себе нуждаются в интерпретации, а некоторые из них настолько противоречат историографическим постулатам, что оставляют исследователей в растерянности. Так, исследование М. Сасси показало, что в отношении «инкастелламенто» регион развивался вполне в русле остальной северной и средней Италии²¹. Археология, безусловно, еще внесет весомый вклад в изучение истории региона в раннесредневековый период.

²⁰ *Brown T. S.* Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. A. D. 554–800. London, 1984; *Vespignani G.* La Romagna italiana dall'Esarcato al Patrimonium. Il Codex Parisinus (BNP, N.A.L. 2573). Testimone della formazione di società locali nei secoli IX e X. Spoleto, 2001; *Deliyannis D. M.* Ravenna in Late Antiquity. Cambridge, 2010; *Cosentino S.* Potere e autorità nell'Esarcato in età post-bizantina // *L'héritage byzantin en Italie (VIIIe–XIIe siècle)*. II. Les cadres juridiques et sociaux et les institutions publiques. Roma, 2012. P. 279–295; *Schoolman E. M.* Rediscovering Sainthood in Italy. Hagiography and the Late Antique Past in Medieval Ravenna. New York, 2016.

²¹ *Sassi M.* Castelli in Romagna. L'incastellamento tra X e XII secolo nelle provincie romagnole e nel Montefeltro. Cesena, 2005.

Среди ученых, работающих в русле этой методологии, нужно отметить ученика М. Монтанари, историка и археолога Н. Манкассолу. Опираясь как на хорошее знакомство с актовым материалом (на нем построена его докторская диссертация о крупном хозяйстве в Эмилии-Романье²²), так и на новейшие археологические данные, он выступил с корректировкой ряда выводов своих предшественников. Его главная заслуга – в доказательстве того, что в Романье IX–X вв. существовала вотчина, пускай и с сильной региональной спецификой.

В российской историографии к равеннским источникам VIII–XI вв. прибегали нечасто. Акты, опубликованные в собрании М. Фантуцци, активно привлекались М.М. Ковалевским (1851–1916) для реконструкции социально-экономической истории северной Италии. В воссоздании социальной и экономической жизни региона в византийскую эпоху (VI–VIII вв.) ряд документов каролингской и оттоновской эпохи, в частности, «Баварский кодекс», использовались в ретроспективном плане О. Р. Бородиным в ряде статей и в специальных разделах упомянутых выше монографий, посвященных истории Равеннского экзархата. Его выводы, основанные на хорошем знании историографии и превосходном владении огромным объемом разнообразных источников, позволили пересмотреть негативную оценку византийского периода, сформулированную ранее З. В. Удальцовой²³. Кроме того, он сделал ряд ценных наблюдений об эволюции потестарных институтов и муниципального устройства региона. Многие его наблюдения подтверждаются и уточняются в настоящей работе.

Внимание других советских и российских историков-италинистов (в первую очередь, Л. А. Котельниковой), занимавшихся интересующей меня эпохой, было почти всегда обращено к «лангобардским» районам Италии,

²² *Mancassola N.* La gestione delle campagne tra Langobardia e Romània in età carolingia e postcarolingia. La struttura delle aziende fondiarie in Emilia e Romagna. Tesi di dottorato. Bologna, 2005; *Idem.* L'azienda curtense tra Langobardia e Romania. Rapporti di lavoro e patti colonici dall'età carolingia al Mille. Bologna, 2008.

²³ *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959.

притом, как правило, с акцентом на заметно более позднем периоде. Исключение составляет история южноитальянских владений Византии, в особенности Апулии и Сицилии, плодотворно изучавшаяся М. Л. Абрамсон, А. П. Кажданом, М. А. Курышевой и Г. А. Ртищевой, а также история Феррары, разными аспектами которой активно занимается Н. Б. Срединская, правда, на материале XII-XIV вв. В этом есть своя внутренняя логика. Как для российских, так и для зарубежных исследователей наибольший теоретический интерес представляли, прежде всего, те регионы, где впоследствии возникли наиболее значимые в политическом и экономическом отношении городские коммуны. Романье изучаемого периода повезло куда меньше: долгое время она оставалась слаборазвитым и застойным аграрным регионом, где вплоть до 50-х гг. прошлого века существовали такие формы эксплуатации, как печально известная медзадрия, или испольтчина.

Научная новизна работы. Настоящая работа является первым в отечественной историографии комплексным исследованием регионального развития поствизантийских областей севера Италии. Ее научная новизна определяется также постановкой новых для региональной проблематики вопросов и решением ряда старых проблем с опорой на большую и достаточно репрезентативную источниковую базу. Впервые ставятся и исследуются проблемы социально-экономических, владельческих и потестарных структур в Романье в их системном охвате.

Теоретическая значимость. Настоящая работа важна для понимания процессов трансформации раннесредневековых регионов, испытавших на себе влияние византийских административных структур. Она позволяет глубже подойти к пониманию принципов организации отношений власти и собственности в переходных обществах в контактных зонах Европы, к числу которых относится раннесредневековая Романья, с ее полиэтничным населением и причудливым переплетением римских, византийских и заальпийских социальных и политико-правовых порядков. Полученные результаты позволяют скорректировать и в ряде моментов обогатить

представления об общественной трансформации позднеантичных обществ, об альтернативных и переходных вариантах развития.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут использоваться в преподавании, в частности, при подготовке учебных пособий, лекционных курсов и семинаров по истории Средних веков и истории Италии, экономической истории, истории права и историографии. Полученные результаты могут привлекаться также при проведении сравнительных исследований социального и экономического развития средневековой Европы.

Степень достоверности и обоснованности диссертационного исследования высока благодаря использованию обширных и разнообразных письменных источников, многие из которых опубликованы совсем недавно и вводятся в активный научный оборот впервые. Автором изучены и критически осмыслены практически все известные на сегодняшний день источники по истории Романьи VIII – начала XI вв., а также обширная научная литература по теме диссертации, позволившая, помимо прочего, учесть и достижения археологии и исторического ландшафтоведения.

Апробация результатов исследования. Основные положения научно-квалификационной работы изложены в 5 публикациях автора, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности «Всеобщая история» (07.00.03). Общий объем публикаций по теме – 4,5 п.л.

Работа была обсуждена на заседании кафедры истории средних веков МГУ имени М. В. Ломоносова и получила рекомендацию к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В региональном развитии поствизантийской Романьи и примыкающих к ней областей период VIII–X вв. являлся качественно определенной и самостоятельной эпохой. Ввиду специфической конфигурации общественных сил особенности сложившегося здесь в IX–X вв. общественного строя не позволяют безоговорочно считать его феодальным (в классическом значении слова). Несмотря на уход с исторической сцены сильного бюрократического государства, осуществлявшего налоговую эксплуатацию подконтрольных территорий, и повсеместное распространение рентных отношений, установившийся здесь социально-политический режим слабо напоминал соседние раннефеодальные политии. Равеннская церковь, располагавшая многочисленными кадрами и большим административным опытом, опередила других крупных собственников и землевладельцев в формировании владельческих и потестарных структур, на два столетия установив в регионе свое господство.

2. Это был особый вариант организации классового общества, в котором члены корпоративно и иерархически организованного эксплуататорского класса получают от верховной власти, ставшей также крупнейшим региональным собственником, те или иные доли недвижимости, которые регулярно перераспределяются внутри этой корпорации, обнаруживая тенденцию к кристаллизации автономных владельческих ячеек. Этот правовой режим, построенный на римскоправовых началах, конечно, допускал существование и «полной» собственности. Вместе с тем объем собственнических прав знати, уходящих корнями в римско-византийскую эпоху, был нестабильным и зависел от отношений с Церковью, ставшей преемницей и наследницей равеннских экзархов. Частнособственническая стихия, лежащая в основе римского права, ограничивалась публичной властью архиепископов, которые старались не допустить усиления реальных владельческих прав семейных сообществ знати, выступавших в основном в качестве эмпитевтов – долгосрочных арендаторов церковных имуществ.

3. Эту социально-политическую ситуацию можно охарактеризовать как своеобразный компромисс архиепископии – главного в регионе собственника земли, присвоившего крупные хозяйства фиска, и знати, представлявшей собой корпорацию политически и экономически подчиненных архиепископу землевладельцев. В этом компромиссе, в целом, совпали интересы Церкви, заинтересованной в формировании клиентских сетей среди имущих и знатных горожан для реализации своих политических амбиций, и линияжей военизированной итало-византийской служилой знати. Последние, хотя и утверждали себя через греко-византийскую титулатуру и номенклатуру, отныне видели свой главный источник доходов в земельной ренте, доступ к которой открывала аренда церковных земель.

4. Особенности сложившегося в Романье общественного строя во многом определили своеобразие экономического развития этой области. Земельный комплекс Романьи в IX–X вв. представлял собой единый хозяйственный организм со сходными способами эксплуатации лично и поземельно зависимого населения. Не позднее 50–70-х гг. IX в. земли региона были превращены в одну большую вотчинную систему, объединенную единой инфраструктурой и логистическими маршрутами, сходящимися в Равенне. Ее появление было вызвано к жизни нарушением налаженных веками хозяйственных связей и регионализацией экономики, что, однако, не предполагало ни сворачивания рыночных отношений, ни глубокой деградации денежного обращения, ни радикальной перекройки аграрного пейзажа. Напротив, эта система приспособила под свои нужды старую топографическую сеть (*fundus – massa – casale*), основанную на римском аграрном межевании и служившую удобной матрицей для перераспределения земли и доходов между духовными учреждениями, светскими корпорациями рентополучателей и сообществами производителей-колонов.

При этом главные компоненты этой вотчинной системы – домениальные земли и наделы крестьян-держателей – были слабо

интегрированы друг в друга. Вплоть до рубежа IX–X вв. церковный домен, представлявший собой многопрофильную структуру с преобладанием лесовыпасных зон и угодий, держался, по-видимому, в основном на труде рабов. Надельный сектор (*pars massaricia*) служил источником вспомогательной рабочей силы. Занятые в нем домохозяйства селян были задействованы в основном в создании продовольственных (преимущественно зерновых и винных) резервов, формировавшихся из оброчных платежей в пользу Церкви. Выявленный тип вотчины позволяет соотнести ее с одной из неклассических моделей вотчинного хозяйства, описанной П. Тубером и, в целом, достаточно характерной для центральной и северной Италии. Главная особенность романьольской вотчины заключалась в том, что это была система регионального масштаба.

6. Стабилизация экономической конъюнктуры в IX–X вв. создала внутренние условия для кристаллизации крупной собственности в рамках автономных хозяйственных ячеек с дальнейшим обособлением их от архиепископского патримония. Эти процессы были главным содержанием тлеющего внутриклассового конфликта, являвшегося оборотной стороной компромисса, достигнутого в VIII–IX вв. на верхних этажах местного политического сообщества. Кульминацией противостояния стал конфликт архиепископа Петра IV с графами Гуидами в 963–967 гг. Его итогом, при формальной победе архиепископии, достигнутой за счет арбитража Империи, стала интеграция Романьи в политическую систему державы Оттонов.

Этот конфликт, поколебавший хрупкий баланс политических сил, стал порогом, после преодоления которого процессы образования автономных владельческих ячеек на землях архиепископского патримония и складывания феодальной общественной структуры стали необратимыми. Именно в этот период появляются характерные для феодального общества владельческие, социальные и потестарные структуры, происходит сближение корпоративных и клиентских отношений, появляется соответствующая терминология (*feo, fidelis, senior, vassus*).

В это время знать, закрепив свои имущественные права над арендуемой у Церкви землей, начинает претендовать на административный контроль над проживавшими на ней людьми, в том числе посредством возведения замков, а архиепископы постепенно устраняются от прямых отношений с земледельческим населением, делегируя это право крупным эмфитевтам. В Романье складывается региональный вариант феодального общества, процесс формирования которого растянется еще на столетие и приведет в XI–XII вв. к образованию замковой аристократии, сеньорий и городских коммун.

Основное содержание и структура работы

Диссертация состоит из введения, семи глав, построенных по тематическому принципу, заключения, библиографии и нескольких приложений.

Во **введении** формулируются цели и задачи исследования, дается обоснование его географических и хронологических рамок и раскрывается методологический аппарат. Здесь же дается подробный обзор историографии и выясняется степень изученности проблемы.

В **первой главе** освещается история выявления, изучения и издания основных документальных памятников Равенны, дается характеристика корпуса равеннских актов, анализируется их типология, оценивается их реперезентативность, информативность и достоверность, а также состояние грамотности и письменной культуры в Романье VIII–X вв.

Во **второй главе** определяются границы изучаемого региона, освещаются основные вопросы его территориальной организации и поселенческой структуры.

В Романье изучаемой эпохи имела место выраженная преемственность с позднеантичной поселенческой структурой, центрированной на городе, что не говорит, тем не менее, однозначно в пользу инертности или застойности региональных поселенческих структур. Напротив, эти зоны переживают серьезную трансформацию, связанную с процессами движения и

концентрации населения, возникновением новых городских центров, перестройкой низовых сельских структур, результатом чего становится исчезновение пагов и появление приходской сети.

Здесь же анализируется политическая география региона, неотделимая от географии потестарных и владельческих структур Равеннской церкви. После коллапса византийской администрации Романья, оказавшаяся под властью равеннских архиепископов, консолидировалась в рамках одной политики с нестабильными границами, запутанными отношениями собственности и разным уровнем присутствия «центральной» власти. Устанавливается граница между относительно стабильным хинтерляндом, зоной суфраганных диоцезов, расположенных в древних муниципиях вдоль Эмилиевой дороги, в сельских округах которых компактно располагался архиепископский патримоний, и «зонами влияния», тяготевшими к Равенне. В этих зонах политическая власть Равеннской архиепископии сталкивалась с интересами папской власти, а также местных светских и церковных властей, тогда как положение архиепископов (например, в районе Адрии, Болоньи, Феррары, или на юге Пентаполей) было достаточно шатким и зависело от политической конъюнктуры и арбитража высших светских властей.

Третья глава посвящена сельскохозяйственному производству и аграрному пейзажу региона. Сельское хозяйство в изучаемый период характеризовалось, с одной стороны, унаследованными от римского времени производственными практиками, отразившимися в предпочтении определённых видов культур (т. н. «средиземноморская триада»), с другой стороны, — новой природно-хозяйственной ситуацией, в которой колоссально возросла роль *incultum* — лесо-выпасных и заболоченных зон, органично включенных в сельскохозяйственное производство. Следствием этого стало повышение роли животноводства (в первую очередь свиноводства) и промысловых занятий, охоты и собирательства. Необычайно высокая роль неземледельческих занятий заставляет критически оценить тезис о континуитете с античными порядками. После кризисных VI–VII вв. в

регионе устанавливается существенная иная производственная система, мало похожая на римские сельскохозяйственные распорядки, но сочетающаяся с унаследованными от римской эпохи формами землепользования.

Далее показана высокая динамичность и функциональность аграрного пейзажа Романьи, во многом заданного римскими кадастровыми порядками. Система межевания, в основе которой лежала единица средней и мелкой собственности римского времени – *fundus* – отвечала как потребностям мелких парцелированных хозяйств производителей, так и интересам крупных собственников. Она была удобной моделью распределения земельных наделов и рентных доходов среди светских землевладельцев, духовных учреждений и трудящегося населения. Унциальное деление имений позволяло проводить такие операции без существенного переформатирования аграрных структур.

Эта система непрерывно развивалась. В рамках кадастровой сети протекали процессы аграрной колонизации и движения населения (свидетельство чему – обилие топонимов *casa*, *casale*), не нарушавшие, впрочем, топографический облик региона. Древние кадастровые порядки выступали здесь, скорее, матрицей, в которой переформатировались производственные отношения, а внутри них — контроль над путями движения прибавочного продукта.

В четвертой главе изучаются различные модели организации сельскохозяйственного производства, дается примерная оценка уровню эксплуатации лично и поземельно зависимого населения, структуре оброчных платежей и состоянию денежной экономики региона в целом.

Ключевые позиции в хозяйственном развитии региона занимала архиепископия. Будучи собственником обширных земель и стремясь восстановить свои доходы, сократившиеся после утраты сицилийских поместий в 1-й половине IX вв., архиепископия приступила к внутренней колонизации своего патримония в Романье. На местах создавались хлебные и винные резервы. Скорее всего, этому способствовал опыт реорганизации

церковных поместий в середине – второй половине VI в. в районе Падуи, где, по-видимому, впервые была опробована вотчинная модель хозяйства. К концу IX в. на базе римской кадастровой сетки была создана вотчинная система, сложные логистические структуры которой капиллярно охватили аграрный хинтерлянд Равенны – земельные округа древних муниципиев региона, а также анклав архиепископских владений в северном Пентаполе, связанные с Равенной системой морских коммуникаций.

В известной мере эту систему воспроизводили зависимые от архиепископии церковные собственники, в частности монастыри, а также светская знать, арендующая у Церкви земельные владения и встраивающаяся в систему перераспределения рентных доходов. В рамках этой вотчинной системы «надельный сектор», представленный крестьянскими сообществами, активно занятыми в колонизации территорий, и домен, обрабатываемый, скорее всего, рабами, были слабо интегрированными друг в друга компонентами. К сожалению, о рабах в равеннских источниках говорится мало, но в какой-то мере это связано с характером дошедшей до нас документации, в которой преобладают арендные договоры.

Образование этой системы предполагало прямые отношения Церкви с наиболее успешными и инициативными группами поселенцев, уровень эксплуатации которых был существенно ниже, чем в лангобардских областях Северной и Средней Италии. Она охватывала далеко не все отрасли производства и отличалась сильной внутрорегиональной спецификой, в которой удельный вес главных структурных слагаемых (домен, отработочные повинности) был различным вплоть до полного выведения хозяйства в «надельный сектор» в долине р. По. Кроме того, часть патримония постоянно находилась в руках льготных земельных съемщиков, до 2-й половины X в. довольствовавшихся долей рентных доходов от аренды участков готовой хозяйственной инфраструктуры.

Вотчинная организация хозяйства, созданная в Романье к концу IX в., не предполагала сворачивание рыночных связей и резкое сокращение

денежной экономики. Монетный двор Равенны прекратил работу в середине VIII в., но в Романье продолжалось хождение византийских, затем также франкских и арабских золотых и серебряных монет. Денежные платежи встречаются в большинстве земельных аренд эпохи; их выплачивали почти все эмфитевты и до трети крестьян-либелляриев.

К первой четверти X в. система пережила реорганизацию: барщинный труд на землях церкви, и без того выполнявший вспомогательную роль, был свернут. Церковные рабы (*famuli*), занятые, вероятно, по большей части на лесо-выпасных угодьях домена, на рубеже IX–X вв. получают участки земли и переводятся в разряд либелляриев. В середине – второй половине X в. церковный патримоний все более превращается в фонд «бенефициарных» земель. В эти переломные десятилетия архиепископия постепенно устраняется от прямых рентных отношений с производителями, делегируя землю и связанные с ней хлопоты другим (церковным, монастырским и светским) крупным землевладельцам. «Борьба за ренту», развернувшаяся при этом между архиепископами и светской знатью, имела следствием дезинтеграцию этой некогда единой системы. Но вплоть до последних десятилетий X в. главным «полигоном» для образования светских вотчин-*curtes* служили земли, находившиеся в собственности феодализирующейся знати и не связанные обязательствами перед Церковью.

Пятая глава посвящена земледельческому населению региона. Источники не содержат сведений об устойчивых и прочных общинных формах объединения сельского населения. Это в полной мере отражает тот факт, что развитая общинная организация в рамках классового общества получает наибольшее развитие только при наличии определённых хозяйственных и социальных условий, в число которых входит и уровень рентной эксплуатации. Однако на местном уровне, помимо различных форм естественной хозяйственной кооперации, вне сомнения, поддерживалась приходская организация, оформившаяся здесь в VIII–X вв., а также разнообразные виды межсоседских связей. В изучаемый период наиболее

значимыми для крестьян были те из них, что функционировали на уровне малых групп. Такие группы хорошо известны по материалам Южной Италии и ряда других регионов Западного Средиземноморья.

В IX–X вв., наряду с сохранением автономных семейно-хозяйственных единиц, наблюдается тенденция к структурированию сельского населения в социально неоднородные сообщества, известные как консортерии, в которых доминировали представители сельской элиты, нередко занимающие церковные должности или исполняющие функции церковных управляющих (виллики, акторы, министриалы и т. д.). Эти группы включали людей разного статуса, от мелких землевладельцев-рентополучателей, нередко выступавших сельскими управляющими (вилаками, министриалами), до субарендаторов и зависимых наемных работников. Структурно они представляли собой, как правило, объединения из 2–3 нуклеарных семей или ассоциации неженатых братьев и совладельцев (консортов), сообща арендовавших участки земли, с которых они платили ренту.

Крестьянское население, попавшее в поле зрения равеннских нотариев, представляло собой совокупность сообществ подвижных, инициативных и сравнительно зажиточных селян, сохранивших значительный объем личной свободы, хотя и оказавшихся в поземельной зависимости от церковных и светских собственников. Не все из этих селян были земледельцами. Характер местной экономики определил их широкую вовлеченность в промысловые занятия, охоту на мелкую дичь, рыболовство, собирательство. Уровень их эксплуатации был, по-видимому, существенно ниже, чем в византийскую и коммунальную эпохи, а их общественное положение — намного выше положения не только лично зависимых крестьян, но и колонов римской эпохи. Есть основания полагать, что в эти столетия социальный статус «пионера» общественного производства, каким был лично свободный романьольский крестьянин, значительно повысился.

В **шестой главе** изучается городское развитие Романьи с акцентом на Равенне — самом важном городе региона и его бесспорном центре.

Показано, как Равенна, сохраняя городской облик и элементы древней городской инфраструктуры, превращается в сравнительно небольшое поселение крупных и средних землевладельцев, живших за счёт доходов от земельной ренты. Торгово-ремесленный элемент, представленный ассоциациями состоятельных, а иногда и знатных горожан также стремился по возможности обеспечивать себя доходами от землевладения и был органически встроен в иерархию рентополучателей. В IX–X вв. Равенна превращается в региональный вотчинный центр. Этот процесс сопровождался реорганизацией городского пространства и изменением материального облика города. С одной стороны, налицо глубокая деградация публичной и частной городской инфраструктуры старого типа. С другой стороны, наблюдается и обновление города, отмеченное формированием соседских объединений, тяготевших к культовым объектам, попавшим под контроль городской элиты.

В этой же главе изучается городское неземледельческое население и формы его корпоративной солидарности. Показана их принципиальная комплиментарность новым владельческим структурам. В 1-й половине X в. наблюдается, по крайней мере, в Равенне, определённый подъём ремесленной и коммерческой активности, активизируются некоторые профессиональные объединения (*scholae*), в первую очередь — торговцев, занимавших очень высокое общественное положение. Будучи генетически преемственными позднеимперским коллегиям, торгово-ремесленные и прочие профессиональные корпорации раннесредневековой Романьи оказались вписанными в структуру городского землевладения.

Седьмая глава посвящена складыванию господствующего класса. Подробно изучаются светская элита региона, ее этнические и социальные истоки, внутренняя структура, взаимодействие с церковными и монастырскими учреждениями, а также «стратегии выживания» в новых общественных условиях, обеспечившие переход к феодальной модели функционирования региональной элиты.

Светская знать Романьи представляла собой совокупность сложных сообществ землевладельцев итало-византийского, а с IX в. и франкского (и, шире, заальпийского) происхождения, проживавших преимущественно в городах и находившихся в экономической и политической зависимости от архиепископов. Несмотря на господство в этой среде рентных и клиентских отношений, *modus vivendi* романьольской знати в VIII–X вв. еще слабо напоминал феодальные порядки. Это связано как с инерцией римских и византийских социальных традиций, так и с особым экономико-правовым положением знати, чьи представители являлись привилегированными долгосрочными арендаторами церковных имуществ. Особое внимание уделяется динамике появления частных замков, фиксируемых источниками с конца X в., – важнейшим слагаемым зарождающейся сеньориальной власти романьольских магнатов.

В заключении изложены основные выводы и результаты исследования.

После краха Равеннского экзархата в 751 г. Романья стала автономным государственным образованием под властью равеннских архиепископов – прямых наследников византийских экзархов и крупнейших собственников земли, сосредоточивших в своих руках широкие публично-правовые полномочия.

Процессы социальной и экономической эволюции в этом регионе не прерывались масштабными военно-политическими потрясениями, и влияние внешних политических сил, которые формально осуществляли верховную власть над Романьей в VIII–X вв., было минимальным. Здесь на два с половиной столетия сложилась особая модель общества, слабо напоминавшая соседние раннефеодальные политии. В ней члены иерархически организованного эксплуататорского класса получали доли «корпоративной собственности», которые регулярно перераспределялись внутри этой корпорации, обнаруживая тенденцию к образованию автономных владельческих ячеек. Это был компромисс между

архиепископией – крупнейшим в регионе земельным собственником, и светской знатью, поставлявшей Церкви кадры для заполнения высших и средних должностей и представлявшей собой корпорацию политически и экономически подчиненных архиепископу землевладельцев.

Особенности сложившегося в регионе в VIII-IX вв. общественного строя оказали сильное влияние на развитие аграрных отношений. Земельный комплекс Романьи в IX–X вв., по сути, был единым хозяйственным организмом со сходными способами эксплуатации поземельно зависимого населения. Земледельческие зоны бывшего Экзархата были превращены в большую вотчинную систему, маршруты которой сходились в Равенне.

Стабилизация экономической конъюнктуры в IX–X вв. создала внутренние условия для кристаллизации крупной собственности в рамках автономных хозяйственных ячеек с дальнейшим обособлением их от архиепископского патримония. Кульминацией этого процесса стал конфликт архиепископа Петра IV с графами Гуидами в 963–967 гг. Его итогом, при формальной победе архиепископии, достигнутой за счет арбитража Империи, стала интеграция Романьи в политическую систему державы Оттонов. Именно в это время появляются характерные для феодального общества владельческие, социальные и потестарные структуры, происходит сближение корпоративных и клиентских отношений, появляются частные замки и соответствующая терминология с феодальной окраской.

В приложениях представлены таблица с информацией о неиталийском населении Романьи IX-X вв. и перевод *Carta Piscatoria* 943 г. – самого раннего документа средневековой Романьи, фиксирующего существование профессиональной корпорации.

Список источников содержит 54 позиции, список литературы — 412 позиций.

Список публикаций соискателя по теме диссертации:

I. Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в журналах Web of Science, Scopus, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история:

1. Либеллярный контракт в поствизантийской северо-восточной Италии VIII–X вв. // Средние века. 2016. Т. 77, № 3–4. С. 144–161 (1 а. л.).

2. Эволюция армии и итало-византийской военно-служилой знати после краха Равеннского экзархата // Византийский временник. 2017. Т. 100, № 75. С. 18–32 (1 а. л.).

3. Общинные отношения в поствизантийских областях северо-восточной Италии IX–X веков // Средние века. 2018. Т. 79, № 2. С. 68–85. (1 а. л.).

4. Торгово-ремесленные ассоциации поствизантийской Равенны в раннее Средневековье // Клио. 2018. № 6 (138). С. 62–70. (0,75 а. л.).

II. Иные публикации:

5. Структура поселений и феномен инкастелламенто в поствизантийской северо-восточной Италии VIII–X веков // Историческая география. 2016. Т. 3. С. 215–236 (0,8 а. л.).